

НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В СИНОДАЛЬНОЙ (ЦЕРКОВНОЙ) ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX в.

Анализируются исследования старообрядчества церковными историками последней трети XIX – начала XX в. Охарактеризована общая научная основа, на которую опираются авторы; представлены подходы, в соответствии с которыми церковные историки осуществляли свои исследования; отмечены итоги, достигнутые синодальной историографией к началу XX столетия.

Ключевые слова: историческая наука; синодальная историография; старообрядчество.

К последней трети XIX в. в церковной исторической науке окончательно утвердилось мнение, что старообрядчество представляет собой сложное явление, подлежащее внимательному исследованию. Следствием осознания потребности в его обстоятельном изучении стало сосредоточение исследований староверия в духовных академиях. Большая часть изданных в то время трудов о старообрядчестве принадлежала профессорам Московской, Санкт-Петербургской, Казанской духовных академий.

В этот период синодальная историография старообрядчества начинает отчетливо осознавать себя как отдельную научную отрасль. В произведениях церковных историков заметными становятся расхождения со светскими исследованиями старообрядчества (А.П. Щаповым, В.В. Андреевым, А.С. Пругавиным). Эти расхождения касались как частных, так и основополагающих вопросов о том, что представляет собой старообрядчество как явление русской религиозной и общественной жизни: выражение социальных противоречий эпохи – народного протеста против закрепощения крестьянства, многочисленных податей и сборов, как считали историки демократического направления, или все же явления, имеющие корни в духовной жизни народа. Несмотря на то что синодальные историки противопоставляли светской историографии свои взгляды на старообрядчество, в собственных произведениях они опирались на те же позитивистские принципы научного исследования, что и светские историки: стремление к максимально объективному отображению действительности, приоритет научных целей исследования, особое внимание к историческому факту и историческому источнику. Естественно, быть полностью беспристрастными к объекту своего исследования церковные историки не могли, но стремление насколько это возможно объективно передать те или иные исторические процессы внесло заметный вклад в изучение старообрядчества.

Свидетельством успешного развития синодальной историографии является определение ее методологической основы, что говорит о достаточной сформированности данной отрасли исторической науки. основополагающим подходом стал историко-полемический прием, в соответствии с которым помимо непосредственного опровержения тех или иных пунктов старообрядческого учения излагался процесс формирования и исторического развития старообрядческих доктрин, приводилась история полемики по данному вопросу между староверами и православными. Если в предшествующий период синодальные исследователи стремились охватить всю историю старообрядчества – от момента возникновения (а порой даже от средневековых рус-

ских ересей) до современному историкам периода, то с 60-х гг. XIX в. в связи с увеличением имеющегося материала и с переходом к более детальному исследованию появляются научные труды, посвященные отдельным аспектам старообрядчества. Исследователи посвящали свои произведения изучению истоков церковного раскола, истории отдельных согласий, истории старообрядчества на отдельно взятых территориях, рассмотрению конкретных пунктов старообрядческих учений.

Обратимся к исследованиям, посвященным истокам церковного раскола и первым годам его существования. В первую очередь, это сочинения доктора церковной истории, профессора Московской духовной академии Николая Федоровича Каптерева: «Характер отношений России к православному Востоку» (1885 г.), «Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа» (1887) и «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» (1909–1912 гг.).

Историк в своих сочинениях не ставил цели полемизировать со староверами, доказывать их неправоту. Истоки церковного раскола Н.Ф. Каптерев видел не в невежестве, а в сложившемся у русских после падения Константинополя убеждении, «что они сделались единственными хранителями православия, и что историческая задача русского народа состоит в том, чтобы неизменно и во всей полноте сохранить у себя правую веру, которая или вполне, или отчасти уже утрачена всеми другими народами» [1. С. 17–18]. Историк во многом оправдывал староверов, противящихся перенимать обряды у греков, тем, что греческое православие к середине XVII столетия вовсе не представляло собой образец, на который русским следовало бы равняться. Греческие патриархи, митрополиты, архиепископы и епископы, оказывавшиеся в Москве при царском дворе, часто «дозволяли себе самые непопозволенные и даже самые преступные средства – самозванство, подделку грамот, интриги и всякий обман, лишь бы только получить возможно обильную милостыню» [1. С. 221]. К тому же церковная реформа была проведена с пренебрежением к общественному мнению и заявлениям представителей народного большинства. Поэтому столь непродуманная реформа и не могла иметь другого исхода, кроме как раскола общества на две враждебные друг другу половины. Доказательства, приводимые Н.Ф. Каптеревым, являлись весомыми и не были никем опровергнуты, несмотря на явное неодобрение консервативно настроенных «расколоведов» конца XIX – начала XX в.

Еще одно исследование, обращенное к истокам церковного раскола, – труд литургиста и византолога

Алексея Афанасьевича Дмитриевского «Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах» (приблизительно 1912 г.).

В материалах Московского печатного двора А.А. Дмитриевский обнаружил подготовительные материалы к изданию Московского служебника 1655 г. В результате анализа данных материалов он пришел к выводу, что книжные исправления при патриархе Никоне проводились не по старым греческим книгам, а «по печатным греческим книгам венецианской типографии и славянским (сербским) венецианской и южнорусских типографий» [2. С. 26]. Если следовать этой мысли, выходило, что староверы, не доверяя книгам, в соответствии с которыми проводилось исправление, отчасти были правы: действительно, это были не те древние греческие богослужебные книги, а новые, и к тому же отпечатанные в Венеции – «у латин».

Во второй половине XIX в. появляются работы, посвященные истории отдельных старообрядческих согласий. Над историей белокриницкого согласия работал профессор кафедры Истории и обличения русского раскола Московской духовной академии Николай Иванович Субботин. Его основным трудом стала «История Белокриницкой иерархии» (1874 г.). Историк начинает свое исследование с момента осознания староверами в XVII в. своего «совершенно отдельного от церкви, безиерархического состояния» [3. С. 7], за которым последовало разделение староверов на поповцев и беспоповцев. Далее автор сосредоточивает внимание на поповцах, пишет о том, как они справлялись с отсутствием собственного священства, а затем подошли к созданию собственной иерархии. Н.И. Субботин не ограничил свои исследования белокриницкого согласия только лишь одним трудом. Обладая значительными материалами о современной жизни данного согласия, он издавал труды, держащие читателя в курсе последних событий, произошедших в белокриницком согласии, например: «Современные движения в расколе» (1865 г.), «Несколько слов о новейших событиях в расколе» (1867 г.), «Современные летописи раскола» (1870 г.).

Наряду с исследованиями отдельных согласий появлялись исследования старообрядчества на отдельных территориях. В качестве примера такого рода исследований можно назвать сочинения профессора богословия Томского императорского университета Дмитрия Никаноровича Беликова: «Старообрядческий раскол в Томской губернии (по судебным данным)» (1895 г.), «Томский раскол: исторический очерк от 1835 по 1880-е годы» (1900–1901 гг.) и «Старинный раскол в пределах Томского края» (1905 г.).

В предисловии к «Томскому расколу» Д.Н. Беликов обозначил, что его произведение имеет исключительно научные цели. В описании автором своей работы мы отчетливо видим труд историка-позитивиста, различия между духовным и светским историком стираются. Автор возлагает на свое произведение задачу проследить за жизнью «расколо-сектантов», внести нечто новое в имевшуюся картину знаний.

Появление и распространение раскола в Сибири историк связывает с географическими, топографическими, культурными факторами. Д.Н. Беликов отходит от комплексного обвинения староверов, характерного для

сочинений историков предшествующих столетий и заключающегося во всестороннем осуждении догматов, обрядов, повседневной жизни староверов. Д.Н. Беликов же ни слова не говорит об их учении и обрядах, полностью сосредоточиваясь на социальной практике староверов. Причем здесь Д.Н. Беликова волнуют лишь асоциальные поступки, примеры которых он приводит в своих произведениях: убийства, общественные беспорядки, надругательства над святынями, неуважительное отношение к духовенству, массовые самосожжения староверов. Эти деяния, неприемлемые в любом обществе, независимо от конфессиональной принадлежности совершившего их субъекта, автор жестоко осуждает.

Исходя из произведений о расколе Д.Н. Беликова, можно сконструировать его идеальную модель воздействия на старообрядчество. Действия как светской, так и духовной власти не должны быть чрезмерно строгими, поскольку излишняя жестокость может спровоцировать агрессию со стороны староверов. За исключением редких случаев воздействие на раскол – задача власти духовной.

Следующее направление синодальной историографии – анализ конкретных аспектов учения староверов. Среди таких исследований стоит отметить работы Ивана Федоровича Нильского «Об антихристе против раскольников» (1859 г.), Николая Ивановича Ивановского «Критический разбор учения неприемлющих священства старообрядцев о церкви и таинствах» (1883 г.), Петра Семеновича Смирнова «О перстосложении для крестного знамения и благословения» (1904 г.), Евгения Евстигнеевича Голубинского «К нашей полемике со старообрядцами» (1905 г.).

Одна из первых работ данного направления – это сочинение профессора кафедры Истории и обличения русского раскола Санкт-Петербургской духовной академии И.Ф. Нильского «Об антихристе против раскольников». Во введении к этому труду историк излагает суть старообрядческого учения об антихристе, прослеживает, как оно изменялось под воздействием различных факторов на протяжении десятков лет. Далее И.Ф. Нильский делит это учение на составляющие его части – «ложные мнения» [4. С. 22], которые затем последовательно опровергает в основной части своей работы. И.Ф. Нильский выстраивает стратегию полемики со староверами по вопросу о сущности антихриста. Сначала, по его плану, необходимо опровергнуть «ложные понятия» староверов об антихристе («о лице антихриста; об образе рождения и матери, от которой он родится; о продолжении царства антихриста на земле» [4. С. 23]), а затем и «прямые и положительные доказательства раскольников, которые они приводят в подтверждение той главной мысли, будто антихрист уже царствует в мире» [4. С. 23]. И.Ф. Нильский исследует источники, трактуя которые старообрядцы приходят к своим выводам, демонстрируя при этом внимательное отношение к источнику и избегая двусмысленных трактовок текста.

Заметный след в поставленной на научную основу полемике со староверами оставило произведение известного исследователя старообрядчества, профессора Казанской духовной академии Н.И. Ивановского «Критический разбор учения неприемлющих священства

старообрядцев о церкви и таинствах». Цель Н.И. Ивановского – доказать, что «общество беспоповцев, само не составляя церкви, находится в отдалении от нее» [5. С. 7], в связи с чем автор останавливается на самых важных для доказательства вопросах: о сущности Церкви и церковных таинств: крещения, исповеди, причащения. Очень важно, что Н.И. Ивановский оговаривает правила, в соответствии с которыми следует вести полемику со старообрядцами: «Мы должны обращать внимание в каждом данном случае на смысл и цель, с какой употребляется выражение, и отнюдь не сливать вещей, и не переносить сказанное в одном месте в том или другом смысле, на другое место, и придавать ему такой же смысл... Одинаковость принятых оснований и приемов есть необходимое условие при полемике; при этом только условия разъяснение вопроса становится обязательным для той или другой стороны» [5. С. 106–107].

Н.И. Ивановский анализирует широкий круг вопросов учения беспоповцев, но в то же время существовали работы, посвященные более частным сюжетам. К примеру, изучению одного вопроса посвящено исследование историка Санкт-Петербургской духовной академии П.С. Смирнова «О перстосложении для крестного знамения и благословения». Обращаясь к историко-полюемическому методу, автор рассматривает историю споров о перстосложении начиная с первых лет существования церковного раскола. Кроме того, П.С. Смирнов прослеживает историю складывания устойчивой формы перстосложения с первых веков христианства до XVII столетия. Значимо исследование П.С. Смирнова еще и тем, что он приводит перечень трудов церковных историков середины XVII – конца XIX в., в которых говорится о спорах со староверами по поводу истинной формы перстосложения, и дает этим сочинениям подробную характеристику.

Еще одна значимая для данного направления синодальной историографии работа – «К нашей полемике со старообрядцами» Е.Е. Голубинского, знаменитого историка Русской православной церкви. Книга Е.Е. Голубинского состоит из отдельных статей, ранее изданных на страницах «Богословского вестника». Историк указывает на основные аргументы, к которым обращаются староверы и, демонстрируя глубочайшее знание русской истории, опровергает их. Автор подчеркивает, на что полемисту следовало бы обращать особое внимание для успешной полемики – на истоки раскола Русской православной церкви. Достаточно смелыми были утверждения Е.Е. Голубинского о том, что «в минуту принятия нами христианства от греков, у сих последних было в общем употреблении для крестного знамения двоеперстие, которое, разумеется, заимствовали от них и мы» [6. С. 70], о том что «сугубая аллилуйя есть такая же древность, как и трегубая» [6. С. 70] и прочие подобные воззрения на догматы и обряды.

Еще одна тема, которую поднимали исследователи старообрядчества, – тема старообрядческой семьи. Внимательно останавливался на этом вопросе Д.Н. Беликов в уже упоминаемых нами сочинениях. Выдающееся научное сочинение по этому вопросу – «Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. Выпуск первый (от на-

чала раскола и до царствования Николая I)» (1869 г.) принадлежит И.Ф. Нильскому. Позже исследование данной темы было доведено историком до 1871 г. Вопрос о том, возможно ли совершение таинства венчания при отсутствии священства, был одним из самых спорных в среде беспоповцев. И.Ф. Нильский перед своим исследованием поставил цель «ознакомить читающий мир с этим вопросом в его постепенном историческом ходе и развитии» [7. С. 4]. Цель, поставленная историком, носила научный характер, автор не критикует учение беспоповцев в целом, а рассматривает его как имевшее место историческое явление. Осуждению подвергаются лишь отдельные представители старообрядческого мира и отдельные их поступки. Среди прочих источников автор нередко прибегает к сочинениям беспоповцев, относясь к ним при этом не как к объекту критики, а как к историческому источнику, содержащему в себе ценную информацию.

Вторая половина XIX в. в синодальной историографии старообрядчества отмечена появлением публикаций миссионерских бесед со староверами. Н.И. Ивановский занимался собеседованием со староверами в Казанской епархии. Его «Беседы со старообрядцами в трех селах Казанской епархии» (1877 г.) составлены в форме диалога, автор старается воссоздать атмосферу собеседования, погрузить в нее читателя. В беседе со староверами Н.И. Ивановский предельно вежлив и осторожен, избегает конфликтных ситуаций, свои суждения он аргументирует ссылками на те источники, которые пользовались доверием у старообрядцев. Но, несмотря на все это, староверы обычно на диалог с миссионером шли крайне неохотно. Автор с сожалением признает, что в их сознании образ миссионера слишком долго был связан с гонениями государственной власти и Церкви и подчеркивает, что для преодоления этой ситуации современная полемика должна носить мирный, просветительский характер.

В форме бесед составлял свои книги еще один известный миссионер того времени – единоведец Павел Прусский, в прошлом сам принадлежавший к федосеевскому согласию. Одна из книг его бесед носит название «Беседа архимандрита Павла с православным священником о том, что нужно для успешного действия в обращении глаголемых старообрядцев к Православной церкви» (1885 г.). В беседе с православным священником архимандрит Павел высказал свои взгляды на то, как нужно действовать священнику в отношении распространившегося в его епархии раскола. Во-первых, священнику необходимо самому «тщательно изучить заблуждения раскола и основательные против них доказательства, заимствуемые из старопечатных книг, коим раскольники вполне доверяют» [8. С. 6]. Причем архимандрит замечает, что теперь труд священника заметно облегчен в связи с выходом в свет широкого круга литературы, посвященной полемике со староверами. Помимо чтения книг для преодоления старообрядческого раскола необходимы были беседы с паствой о «заблуждениях» раскола, а также совершенствовании ее морального облика, чтобы не дать староверам повода укорять православных прихожан в неблагочестивом поведении.

Еще одно собрание бесед, составленное архимандритом Павлом, – «Краткое руководство к познанию

правоты Святой церкви и неправоты раскола, изложенное в разговорах между двумя старообрядцами и между старообрядцем и православным» (1894 г.). В беседах обсуждаются вопросы, составляющие сущность учения староверов-беспоповцев о вере и Церкви: о возможности и оправданности совершения таинств наставниками-мирянами. Павел Прусский, сам долгое время бывший старовером, тонко чувствовал, как стоит выстраивать беседу с ними, на что следует обращать особое внимание. Архимандрит Павел делал и еще одно очень важное дело – занимался популяризацией знания о старообрядчестве, руководствуясь желанием «сообщить сии важнейшие сведения читателям, занятым житейскими необходимыми заботами и не имеющим свободы читать пространные книги» [8. С. 3].

Таким образом, мы видим, что синодальные историки 60-х гг. XIX – начала XX в. рассматривали огромный спектр проблем, связанных с историей и современным состоянием старообрядчества. Церковные исследования старообрядчества проделали путь от трудов обобщенного характера к историческим сочинениям, посвященным частным вопросам жизни староверов. Это обстоятельство, а также определение задач и методологической основы науки о расколе, высокое мастерство историков-«расколоведов» говорят о том, что синодальная историография последней трети XIX – начала XX в. окончательно утвердилась в качестве самостоятельной отрасли исторической науки, создав исторические труды, не потерявшие актуальности и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. 580 с.
2. *Дмитриевский А.А.* Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / Под ред. В.В. Калугина. М.: Языки славянской культуры, 2004. 160 с.
3. *Субботин Н.И.* История так называемого австрийского, или белокрыницкого, священства. Вып. 1: Учреждение раскольнической митрополии в Белокрыницком монастыре. М., 1895. 388 с.
4. *Нильский И.Ф.* Об антихристе против раскольников (в общепонятном изложении): В 2 ч. СПб., 1898. 382 с.
5. *Ивановский Н.И.* Критический разбор учения неприемлющих священства старообрядцев о церкви и таинствах. Казань, 1883. 421 с.
6. *Голубинский Е.Е.* К нашей полемике со старообрядцами. М., 1905. 260 с.
7. *Нильский И.Ф.* Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. Вып. 1: От начала раскола до царствования императора Николая I. СПб., 1869. 410 с.
8. *Павел Прусский.* Беседа архимандрита Павла с православным священником о том, что нужно для успешного действия в обращении глаголемых старообрядцев к Православной церкви. М., 1885. 27 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 января 2009 г.